ОЛИВЕР ХАРРИС
ПИСЬМА УИЛЬЯМА БЕРРОУЗА
Уильям Берроуз — таков, как есть.
Таков, каким мы еще его не знали!

Оливер Харрис
Письма Уильяма Берроуза

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4889450
Письма Уильяма Берроуза / подготовлено О. Харрисом; пер.с англ. Н. Абдуллина.: АСТ, Астрель; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-071233-5, 978-5-271-34365-0

Аннотация

Письма Уильяма Берроуза – то странные и причудливые, то, напротив, очень реалистичные, злые, остроумные до цинизма. Письма, в которых бьется, пульсирует обнаженная мысль самого оригинального и необычного писателя англоязычного нонконформизма XX века. Как приходили к Берроузу идеи прославивших его книг? Как воспринимал он события современности? Что действительно – без поправок на творческие вольности – думал о любви и сексе, политике, писательстве, расширяющих сознание средствах? Такого Берроуза мы еще не знали – но тем интереснее с ним познакомиться…

Содержание

Благодарности	4
Введение	6
1945	49
1946	51
1947	55
1948	61
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Оливер Харрис
Письма Уильяма Берроуза

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить:

Джеймса Грауэрхольца – за всестороннюю редакторскую и просто человеческую поддержку; Уильяма Берроуза и Аллена Гинзберга – за бесценный материал; наследников Джека Керуака; Грегори Корсо; Дэвида Стэнфорда из «Viking Penguin» и моего агента Дебору Роджерс.

Благодарю Роберта Джексона, Джеймса Муссера и Гэри Нарги – за предоставленные копии рукописей писем из их частных коллекций.

Благодарю персонал университетских библиотек, предоставивших копии рукописей писем: Мэрилин Вурцбергер, главу Архива особых документов из университета штата Аризона (в городе Темпе); Бернарда Кристала, помощника заведующего отделом рукописей в библиотеке Батлера Колумбийского университета; и Синтию Фарар, сотрудника библиотеки центра гуманитарных исследований Гарри Рэнсома при университете штата Техас (в городе Остин).

Спасибо Рону Пэджетту и Анне Уолдман, редакторам из-

дания «Письма Аллену Гинзбергу. 1953–1957 гг.».

Благодарю издательство «Grove Press» – за разрешение цитировать из «Голого завтрака»; издательство «City Lights Books» – за разрешение цитировать из «Писем яхе»; издательство «Viking Penguin» – за разрешение цитировать из «Джанки», «Гомосека» и «Интерзоны».

И спасибо Алану Ансену и Люсьену Карру, Питеру Элвинсу, Теренсу Маккенне, Барри Майлзу, Роджеру Скаддеру и Тао Элвинсу Вольфу – за любезно предоставленную помощь и ценную информацию.

Отдельное спасибо Иену Макфэдьену – за то, что делился знаниями, энтузиазмом и поддерживал. Но больше всех я обязан Дженни, Элле и Мие: благодаря им тяжелая работа и бессонные ночи не пропали даром.

Оливер Харрис

Введение

Что делает письма Уильяма Берроуза особенными? Эпистолярное наследие раннего периода творчества писателя интересно по нескольким причинам. Во – первых, мы получаем некое подобие черновой автобиографии, своеобразный дневник начала литературной карьеры, массу сырого материала, отражающего опыт автора. Во – вторых, уже в этих письмах заметно, как формируется стиль, авторский голос.

Письма, включенные в этот сборник, ни по одному из пунктов не разочаруют. Голос Уильяма Берроуза узнается сразу: неспешная речь, глубокая мудрость и хипстерский юмор. Письма Берроуза чертовски смешны оттого, что весельем писатель глушит отчаяние, душевные муки. Хохма помогает ему найти упоение в наводненной бедами жизни. Его послания невероятно звучны, изумительны, богаты не столько объемом или числом, сколько чувствами. Почти каждое написано второпях, однако вместе они создают экзотический мир, где всякое событие, новое знакомство или обстановка – не важно, насколько они красочны или убоги, – отмечены авторской печатью исключительности. Берроуз драматизирует пережитые приключения – физические и эмоциональные, – позволяя узнать о собственной жизни. Тем самым он дает ключ к пониманию своих произведений. Однако содержание писем – не просто хроники событий, их стиль не

просто впечатляет. В целокупности письма Берроуза – нечто большее, нежели сумма неизменно оригинальных и зачастую необыкновенных кусков мозаики.

Письма Уильяма Берроуза потому столь особенные, исключительные – как сама жизнь Берроуза или его творения, – что и в жизни автора, и в его творчестве сыграли центральную роль.

За полтора десятилетия (1945–1955) письма не раз становились участниками событий. В апреле 1949–го полиция Нового Орлеана перехватила инкриминирующие письма; десять лет спустя, в апреле 1959–го, письма того же рода достались полиции танжерской. В посланиях середины 1950–х Берроуз оттачивал изобретенную им технику «зарисовок» и позднее использовал эти материалы в своих произведениях. Он слал письма за океан, словно бы наводя дорогу жизни, превращая одиночество зависимости и изгнания в творческую мастерскую. Случалось творить и мертворожденные письма – те возвращались без ответа, и тогда Берроуз впадал в отчаяние. Временами только письмами он и жил, именно в них он становился литератором.

Письма не просто дают контекст, они сами по себе образуют полноценную прозу: в период с 1945 по 1959 год интенсивность написания писем отражает ход творческого процесса автора. Роман в письмах, который получался в середине этого отрезка времени (около 1953–го), воплощает стремительное слияние жизни, писем и литературы. Двумя го-

дами позже, разбирая и редактируя письма, Берроуз обнаружил, что они уже содержат необходимую связность и прекрасно подходят в качестве каркаса текущей работы: «Забавно, как письма срастаются. Беру одно предложение, а оно за собой целую страницу текста утягивает», – пишет он.

В результате – любопытный парадокс. Сборник писем, пусть даже самого что ни на есть писателя, – это не книга как таковая; читатель видит перед собой разрозненные фрагменты, и последовательность событий не требуется. В случае с письмами Берроуза все не так: они привели к созданию фрагментарного антиромана, «Голого завтрака», помогли выработать технику, определившую методологию его безумия, «нарезок». И потому письма Берроуза просто необходимо читать в хронологическом порядке. Они рассказывают или, скорее, показывают историю того, как Берроуз начал с линейного повествования и пришел к нелинейному. Идя тропой Берроуза, понимаешь, сколько творческих сил он вкладывал в написание писем.

В середине этого тома есть обращение: «Однако может статься, настоящий роман – это мои письма к тебе…» Тогда Берроуз думал об одном конкретном читателе, теперь же обращается ко всем. Письма постепенно образуют линию повествования, принимая в конце концов собственную значимую форму. Редактор вмешался лишь однажды – решив, какое письмо станет последним. Что касается остальных писем – тут он себя не ограничивал, брал любое качественное

и представительное (позволяя себе лишь изредка править некоторые фрагменты)[1]. Первым в сборнике стало самое ранее из доступных.

24 июля 1945 года Уильям Сьюард Берроуз написал из Сент – Луиса в Нью – Йорк Ирвину Аллену Гинзбергу, приложив к письму практически идентичное послание для Жан – Луи Керуака. Троица совершенно разных по возрасту и происхождению людей – тридцатиоднолетний американец со Среднего Запада, «белая кость», девятнадцатилетний еврей с Восточного побережья и двадцатитрехлетний католик, канадец французского происхождения – Берроуз, Гинзберг и Керуак к тому моменту были знакомы уже около полугода. Втроем снимали квартиру в Нью – Йорке, где Берроуз для друзей проводил сеансы любительского психоанализа, знакомил их с эзотерической литературой и романтикой уличной жизни. И хотя впоследствии этим троим никогда уже не доведется пробыть вместе дольше нескольких месяцев в пределах одной страны (не говоря уже об одном доме), они на всю оставшуюся жизнь сохранят узы дружбы. Остается целых пять лет до первой публикации, до того времени, когда Керуак наконец убедит Берроуза начать писать, а Гинзберг возьмет на себя роль литагента Берроуза (а заодно и его музы). Но уже в те дни втроем они заложили литературные ос-

[1] В датах и адресах редакторские вставки даны в квадратных скобках. – *Примеч. О. Харриса*.

новы того, что позднее назовут разбитым поколением.

Рождение этой дружбы стало началом карьеры Берроуза – писателя. Он все больше отдалялся от друзей, общаясь с ними только через письма. Потому-то момент расставания редактор и выбрал отправным пунктом для сборника: 24 июля 1945 года, менее двух недель до ядерной бомбардировки Хиросимы.

Написанное в 1945–м на грани перелома – личного и мирового, литературного и исторического – письмо к Гинзбергу на удивление сдержанно. Оба послания – и Гинзбергу, и Керуаку – высокопарны, почти формальны, а прощание на французском смахивает скорее на манерность, нежели является проявлением истинных чувств. В сборнике они единственные не подписаны «С любовью», «Всегда твой» или собственным именем Берроуза (в любом его варианте). Только в последнем письме, из Парижа, 29 октября 1959 года, Берроуз подписывается не признанием в любви или преданности; он подписывается полным своим именем – в строчных буквах: «уильям сьюард берроуз». Первое и последнее письма Гинзбергу – будто форзац и нахзац книги. Отстоящие далеко друг от друга, словно чужаки, они в то же время одинаковы в своей безличности и некоем стремлении заключить промеж себя период, освещенный в других письмах.

Неудивительно, что большинство писем адресовано Аллену Гинзбергу: до начала 1960–х, когда Берроуз активно об-

рывал связи с прошлым, именно Гинзберг оставался не только основным адресатом, но и самым преданным хранителем корреспонденции. Не прояви он подобной бережливости, не смотри он постоянно в будущее, многое из писем Берроуза просто – напросто потерялось бы в хаосе обстоятельств, при которых они рождались на свет. Писать Гинзбергу стало одной из двух постоянных привычек Берроуза. Половина единственного постоянного, стремительного потока перемен отражена в них. Вторым же спутником, тень которого преследовала Берроуза до самого конца, стал джанк, наркотики.

В предисловии к «Джанки» (1953 года)[2] Берроуз описывает свою жизнь до 1945–го. Это рассказ об отсутствии мотивов, направления, желания – и о попытке отыскать их. Подростком Берроуз «отправился в одиночное плавание», рисковал, как многие юноши, ища приключений. Поступил в Гарвард на факультет английской литературы, потому что «интереса ко всему остальному не испытывал». Затем «около года колесил по Европе», «шатался по Америке, изучая психологию и дзю – дзюцу», «заигрывал с криминалом». В повествовании о середине 1940–х нет ни одного упоминания о литературе и писателях, о дружбе с Гинзбергом и Керуаком, об отношениях с Джоан Воллмер. Все сводится к поискам и обладанию одним – единственным: «Наркоманом ста-

[2] В 1977 году роман «Джанки»* был переиздан в новой редакции**, и все цитаты из него приводятся по позднейшему изданию. – *Примеч. О. Харриса.** Под заглавием «Junkie». – *Примеч. пер.*** Под заглавием «Junky». – *Примеч. пер.*

новишься, если нет достаточно сильного интереса к чему-то иному [...] Я ширялся, когда получалось достать дозу, и вот я на игле [...] К зависимости не стремятся сознательно». Дни бесцельного блуждании по жизни завершились, цель была найдена, «особое желание» определено, и появилось направление – строго по наклонной вниз, – которому Берроуз и следовал.

Первые письма этого сборника относятся к периоду в жизни Берроуза, когда писатель уже пристрастился к наркотикам. Во втором письме (от 1 сентября 1946 года) он заверяет друзей, что завязал с дурманом, и завязал наглухо. Подобные обещания в письмах прозвучат неоднократно. С каждым годом, с каждым переездом – из одного штата в другой, потом с континента на континент, – они звучат все решительней и отчаянней. Через два года Берроуз придумает оригинальный способ завязать с привычкой: «...смотаюсь в другой город, и мне будут присылать дрянь по почте – с каждым разом все меньше и меньше». Идея лечиться по почте так же, как и мысль заработать на санаторий, выращивая морковь, в чем-то даже забавна, однако смеешься над ней сквозь слезы, как и читая о событиях 1954–го: Берроуз платил друзьям, чтобы они прятали от него одежду и не выпускали из дома. (Про этот метод, которым якобы пользовался Кольридж, Берроуз узнал из произведений Де Куинси.) Больше десяти лет пройдет до прорыва. И тогда зависимость станет уже не постоянной темой писем, а их матрицей.

Последние пять лет 1940–х показывают вынужденные (по причине конфликта с законом) перемещения Берроуза: из Нью – Йорка в Новый Орлеан, оттуда – в Восточный Техас, из Техаса, наконец, за границу, в Мексику. Из Мексики Джоан пришлет Гинзбергу следующее наблюдение, со ссылкой на приятеля: «Уж лучше наблюдать за этим со стороны, чем жить в самой гуще событий»[3]. Письма того периода написаны посторонним, оказавшимся в гуще событий: профессиональный фермер и семьянин, земле– и домовладелец, Берроуз в то же время держался особняком. «Интересных людей нет, а если и есть, я их не видел», – пишет он в 1948–м. Загадывая на будущее, желая посмотреть на «Центральную и Южную Америку или даже Северную Африку», Берроуз сверхъестественным образом предсказывает свой маршрут на следующие десять лет скитаний.

Тем временем разочарование в Америке приводит к конфликту с бюрократией и острому неприятию законов и культурных норм. Не обошлось без последствий. Берроуз активно и четко выражает жизненную позицию и политические взгляды, направленные против сложившегося порядка.

Наркотическая зависимость – грубый, но эффективный метод измерить степень социальной интерференции, однако Берроуз предпочел обозначить свою позицию, ссылаясь на

---

[3] Джоан Воллмер Берроуз – Аллену Гинзбергу, письмо от 31 октября 1949 г., Мехико (из архива Гинзберга в Колумбийском университете, в Нью – Йорке). – *Примеч. О. Харриса.*

личности противоречивые, скандально известные и, тем самым, обособленные. Он заимствовал и использовал постулаты Вильгельма Райха и Альфреда Коржибски, чьи психосексуальные и семантические открытия шли вразрез с общепринятым мнением. Именно их учениями Берроуз вооружался, когда ругал Гинзберга за взгляды на язык, социализм, этику, медицину и мистицизм. «Аллен, сделай одолжение – найди и прочти книгу Коржибски «Наука и здравомыслие». Каждый юноша, прежде чем поступить в колледж или еще куда, должен усвоить основные принципы общей семантики», – пишет он. Оспаривает опыт видений Гинзберга, настаивая на семантической ясности, конкретных примерах, знаниях, полученных на опыте и отражающих его собственную убежденность в необходимости экспериментального подтверждения всего: «Мистицизм – лишь слово. Мне же интересны факты, факты, получаемые из всякого опыта». Тон, с которым Берроуз поучает друга, типичен скорее для нетерпеливого учителя, наставляющего ленивого ученика. Но поражает еще и требование хирургической точности, четкости – оно пугает и смешит одновременно: «Смертный, Аллен, это определение; прискорбно, когда его используют в качестве существительного».

Берроуз не щадил друзей – пусть даже юных и неопытных, к тому же балансирующих над пропастью безумия – и осыпал их ударами словесных розог.

Но есть в броне неизменного цинизма и ранние бреши,

особенно заметные в моменты, когда рядом с остротой пера соседствует мягкосердечие. Берроуз критикует поведение Нила Кэсседи, говорит, что «люди так не поступают», и одновременно с этим защищает «честную, добропорядочную, воспитанную евреечку вроде Хелен [Хинкль]». «Если б мне пришлось выбирать, я бы вышвырнул из дома Нила», – пишет он в письме Аллену Гинзбергу. Каким бы ни был Берроуз мизантропом, женоненавистником и антисемитом он станет позже.

Новое десятилетие, 1950–е, Берроуз встретил в Мексике, которая напоминала ему «Америку 1880–х», задавая дальнейший путь – в Центральную и Южную Америку. Углубляясь на юг, Берроуз словно бы уходил в прошлое в поисках более древних культур, тепла и мифического «славного фронтирского наследия». Хотя по правде, за границу вынудил уйти закон, а дальше двигаться побудила трагическая ошибка.

Поначалу Мексика была «прекрасной, свободной страной», где человек вроде Берроуза жил спокойно, как не мог жить в стране родной. По иронии судьбы статус Берроуза перевернулся с ног на голову: из неугодного обществу наркомана и гомосексуалиста он вновь стал представителем верхушки среднего класса – в стране, где «например, если ты прилично одет, то коп видит в тебе человека выше себя и уже не посмеет останавливать и спрашивать о чем-либо». Духом свободы, отсутствием страха (которые долго не продлятся) насыщено и первое серьезное литературное произ-

ведение Берроуза.

Из Мексики Берроуз только и пишет друзьям, что о покупке земли, о фермерстве, об открытии бара. Лишь в 1950–м, получив экземпляр книги Керуака, он заикается о том, что сам сел за роман. Берроуз сомневается в успехе книги (получившей название «Джанк»), особенно коммерческом: в ней он «обхаивает отдел по борьбе с наркотиками». Так и хочется разглядеть между строк симптомы писательского мандража и тщеславия. Берроуз если и выражает надежды на успех, то скромные. И с творческими планами не торопится.

Проработав год над рукописью, он сделал самое важное замечание о мексиканском духе книги: «Никого и ничего я не оправдываю. Моя книга – самый точный отчет о переживании кошмара наркозависимости из всех, что я видел […] В Мексике понятие «оправдания» бессмысленно! Хотя куда тебе знать, ты в Штатах живешь». Берроуз не защищается, не нападает, не ищет оправданий и не пытается отвратить от себя кого бы то ни было – его интересует сам рассказ. Переписывая роман, он решил изъять из него все теоретизирование, все внутрисемейные отношения, «держаться в рамках простого повествования», как солдат в скучном однообразии казарм. Через год Берроуз обрадуется, что издатели «хоть саму книгу не завернули» – за целую эпоху от того момента, когда, семь лет спустя, он с безумным восторгом «водилы этого в доску упитого и обкуренного вагона» встретит конец вынужденного простоя в создании «Голого завтрака».

В 1965–м Берроуз вспоминал: когда он только начал писать «Джанки», то «в принципе особой мотивации не испытывал […] Никто писать не заставлял. Просто делать было нечего». Писательский дебют пришелся на период полного отсутствия воли, которое, можно сказать, и определило наркотическую стезю. Двумя годами позже ситуация повторилась: Берроуз взялся за «Гомосека»: «Маркера нет, и нет вообще никого, с кем поговорить, поэтому я решил отвлечься и поработал над новым романом». В следующем письме эхом прозвучали те же строки: «Маркера нет, и вот я снова пристрастился к наркотикам», выдавая больше, чем хотел бы открыть друзьям сам Берроуз. На сей раз он подсел на другой наркотик. Перефразируя его же слова: «К зависимости не стремятся сознательно», можно сказать: «К писательству не стремятся сознательно».

Позже Берроуз говорил так: «Если «Джанки» написал я, то «Гомосек» уже сам написал меня». Переход от роли активной к роли пассивной совпадает с моментом, когда меняется и манера написания писем. Новый стиль поначалу незаметен, в переписке с Гинзбергом содержатся только отвлеченные намеки на подобное изменение, однако письма преображаются вместе с творчеством Берроуза: сухой, выверенный, безличный тон «Джанка» сменяется открытостью и беззащитностью «Гомосека». Перемена отражает и одержимость наркотиками, которая при этом не трансформируется в нужду сексуальную – как поверхностно предполагают за-

главия книг, – а переходит в творческую зависимость.

В мае 1952–го Берроуз пишет по поводу одной из зарисовок: …я записывал текст, словно под диктовку. Тогда и понял: успех почти у меня в кармане. Не пробудись во мне такое безудержное веселье, каким наполнены зарисовки, Маркер и не подумал бы ехать со мной в Южную Америку». Еще один факт – якобы зарисовки Берроуз «записывал, словно бы под диктовку» – одновременно и подтверждается, и осложняет ситуацию в одном из эпизодов «Гомосека»: «Ли остановился. Зарисовку ему будто бы диктовали […] Мэри и Аллертон ушли, он остался в баре один. Монолог продолжался». Текст опубликован, и неудача становится важнее успеха, отсутствие – важнее присутствия. Зарисовка автономна, обрела независимость от автора и читателя, как и любой другой текст. Аллертон, то есть Маркер, – только предлог. Значит, настоящая потребность создавать зарисовки заключалась в чем-то ином.

Что разделяет «Джанки» и «Гомосека»? Почему Берроуз от романа, в котором изложил историю собственной зависимости, перешел к роману, написание которого само напоминало зависимость от наркотиков? Ответ: из-за убийства жены. Вклад Джоан виден лишь в одном из писем, написанных Берроузом незадолго до ее гибели, где она карандашом сделала приписку относительно сексуальной жизни мужа. Карандашом – «дабы он мог стереть мои комментарии, если сочтет нужным». Трудно представить жест, столь сильно обез-

личивающий и в то же время оставляющий неизгладимый след. Нельзя постичь более безнадежного входа и выхода одновременно[4].

До нас дошли только заметки о трагедии, которые Берроуз сделал три с половиной года спустя, находясь за тысячи миль от места убийства. Писал он о том, что значило это событие для него самого, и ни словом не обмолвился о юридической стороне дела. В предисловии к «Джанку» (изданному в 1985–м) Берроуз признавался: на написание книги его подвигло «трагическое событие, в книге никак не упоминаемое, скорее даже избегаемое – случайное убийство супруги, Джоан, в сентябре 1951 года».

До убийства жизнь Берроуза напоминает бухгалтерский отчет, в котором каждое новое событие систематически заносится в колонку «дебет». Гибель жены стала поворотным моментом, после которого жизнь Берроуза превратилась в роман – однако в роман, какой не каждый захочет написать, да жизнью такой никто, пожалуй, кроме самого Берроуза, жить бы не смог. Просто не выжил бы. Берроуз открывает для себя в письмах и в творчестве нечто новое, значимое: самостоятельность и взаимозависимость. На простейшем уровне он начинает предвидеть будущее. «Письма мои сохрани, – писал он Гинзбергу в апреле 1952–го. – Может, получится составить из них книгу, когда стану матерым ав-

[4] Аллюзия на известную фразу Берроуза: «Лучший выход – это вход». – *Примеч. пер.*

тором».

Двумя месяцами позже, не получив ответных писем от Маркера, Берроуз впадает в такое отчаяние, что спасение приносит лишь писательство: «Да, я практикую черную магию [...] Я ему пять или шесть писем отправил – с зарисовками, самыми лучшими. Не отвечает [...] Я написал Маркеру: ответа на каждое письмо не жду и письма мои – лишь способ общения, способ поговорить». Зарисовки в его письмах стали некой извращенной формой ухаживания, признаниями в любви и одновременно шантажом. Когда же уход Маркера показался окончательным, Берроуз всерьез решил забросить сочинительство. Но герой «Гомосека» добивается расположения Аллертона – анонимного слушателя внутри повествования – именно потому, что отказ неизбежен. Когда же Аллертон покидает книгу, Уильям Ли превращается в старого моряка из поэмы Кольриджа, который ищет своего слушателя – гостя, спешащего на свадьбу. И находит того, чье отсутствие принимается как должное. Зарисовки поступают как монолог, как письменное представление для читателя. Словно предваряя рождение «Голого завтрака», комедия навязывается зрителю, становится нежелательной и омерзительной: «Милый читатель, я бы и пожалел тебя, но перо мое обладает волей, какая вела старого моряка».

Через два года (а это середина сборника) Берроуз вновь впадает в отчаяние: адресат не отвечает и письма возвращаются невостребованными. И в таком состоянии он пишет. В

апреле 1954–го умоляет Керуака: «Отказ от него еще больней, чем отказ от Маркера. Ломает – жуть, от абстяга спасет лишь письмо. Будь другом, заставь Аллена прислать мне эпистолярную дозу. Я будто умер, писать не могу, ничего не интересно». Да, в этот раз Берроуз писал Аллену Гинзбергу, и зарисовки для Гинзберга стали ранними эпизодами «Голого завтрака». Письма постепенно обретают уникальный эротический характер, в них любовь практически становится предлогом. «Когда я, влюбленный, не встречаю ответных чувств, – пишет Берроуз в том же письме Керуаку, – зарисовки остаются моим единственным прибежищем и утешением». Зависимый как от Гинзберга, так и от наркотиков, Берроуз превращает написание зарисовок в процесс жатвы – когда урожай собирает смерть его чувств и вожделения. Он посылает письма, словно вестников, к тому, от кого ждет признания, с кем он, как Уитмен, был братом, в кого влюбился, но выходило все как у мелвиллского писца Бартлби: «Посланные по заданию жизни, они неслись навстречу смерти».

В 1959–м, когда уже издали «Голый завтрак», Берроуз начал обрывать человеческие связи между писателем и читателем – посредством механического способа письма по методу «нарезки». Привычка писать Гинзбергу пройдет, однако привычка писать останется.

Важность писем Берроуза прежде всего определяется физическим расстоянием между самим Берроузом, Гинзбергом

или еще кем-то, с кем писатель мог продуктивно общаться. Берроуз ни разу не выказывает сожаления о том, что покинул Америку, хотя признает: цену за это он заплатил немалую… намекая в то же время на неизбежное одиночество странника. Изгнание Берроуза, совпавшее с периодом творчества, лишь отчасти вызвано проблемами с законом, обществом, героином и сексуальной ориентацией. Конечно, случались исключения: Керуак, например, навещал друга в Мексике в 1952–м. Впрочем, Берроуз характеризует его как параноика и страшного гостя, крадущего у хозяина последний кусок хлеба. Визит друга не удался. Как, собственно, не удалось избавиться и от статуса «опасного иммигранта».

Бежав от мексиканского правосудия, Берроуз приезжает в Америку, но не в Нью – Йорк к друзьям, а во Флориду, откуда стартует дальше, в Центральную Америку, цитируя в письме Шекспира: «Не спорь, но предоставь самой судьбе осуществить ее предначертанья». Берроуз предпочел не встречаться с Гинзбергом. Напротив, отдалился от друга, описав события последующих шести месяцев в первой части эпистолярной новеллы «Письма яхе» (1963 г.), под названием «В поисках яхе».

При сравнении двух текстов видно: большая часть новеллы содержится в письмах сборника. Сравнение подтверждает, как мало изменил Берроуз исходный материал при создании рассказа о странствиях. Антропологические, политические и эротические случаи из его жизни во всей своей пол-

ноте и остроте на самом деле живут в письмах. И эти письма – наряду со многим из того, что еще будет создано, – не просто писательская корреспонденция. Они – часть самой работы писателя. Чем больше Берроуз углубляется в их написание, тем больше они напоминают повествовательную прозу. Письма и жизнь автора сливаются.

К поискам яхе – наркотика, якобы усиливающего телепатический дар, Берроуз готовится уже в заключительных строках «Джанки», где (еще неуверенно) говорит, будто бы яхе дарует «переломный приход». Переписывая путевые заметки, Берроуз кое-что удалил, пытаясь провести границу между приключениями и простой охотой за наркотиком. «Да, – писал он, – яхе меняет тебя капитально. Примешь его – и не быть тебе прежним. Буквально». Однако позже автор вырезал открытие из текста, потому как осознал: его ботанический Грааль не станет достойным заключением поисков преобразующего знания. Как пишет сам Берроуз, лозу яхе с собой никуда не возьмешь. Химическое просветление, к которому писатель так стремился в 1953–м, когда появились «Письма яхе», будет вытеснено процессом письма – посредством дополнительных текстов, намного радикальнее перепахавших тексты старые, проиллюстрировав тем самым метод работы Берроуза с «нарезками».

Также из оригинальных писем о поисках яхе были удалены параллельные, но неуспешные попытки Берроуза описать свои злоключения. Важность писем лежит в их отличии

от предыдущих творений автора. Опубликованные «Джанки», «Гомосек» и «Яхе» следуют в строгой хронологической последовательности, что лишний раз подчеркивает их формальное различие. Первая книга написана от первого лица, вторая – от третьего, третья – вообще в форме писем. В бесплодных попытках найти то, что сам Берроуз называл «идеальным средством выражения мысли», он прибег к уже привычной методе – к письмам.

Взявшись за «Гомосека», Берроуз поначалу думал создать линейное повествование, как в «Джанки», однако понял: изменив рассказчика и соскочив с иглы, он дал дорогу безумным зарисовкам, которые ворвались в его творчество, сменив несловоохотливого, замкнутого в себе наркомана. Фрагментарная структура текста, обязанная своим рождением прорезавшемуся голосу Берроуза, сделала язык книги более разговорным, свойственным письмам. Повествование стало таким же эпизодическим. Живость новой внутренней аудитории «Гомосека» породила структуру «В поисках яхе», воспроизводившую условия создания самой книги: оторванность от далекого читателя, связь с которым поддерживалась через письма. Говоря словами Вольтера о Боге, если бы Гинзберга не было, его следовало бы придумать. Год спустя Берроуз неосознанно выдает поразительную фразу, поменявшую письма и творчество местами: «Может статься, настоящий роман – это мои письма к тебе».

Перечитывая послания Берроуза к Гинзбергу до августа

1953–го, поражаешься: ведь более шести лет их отношения строились по переписке. Когда же друзья наконец встретились в Нью – Йорке в сентябре того же года и в четыре руки начали редактировать «Яхе», Гинзберг описал результат как «великий союз душ»: «Его болтливость – это нечто, чего мне не дано, – говорил Гинзберг Нилу Кэсседи. – Билл раскрылся. Чувство такое, что он страдает – страдает ужасно и постоянно»[5].

Хочется верить, что выход страсти стал возможен не вопреки, но благодаря тому, что отношения Гинзберга и Берроуза столь долго продолжались на бумаге. На это намекают подписи. В апреле 1952–го после долгих размышлений Берроуз стал подписываться псевдонимом Уильям Ли. (Сам по себе этот шаг имел двойственную природу: Берроуз хотел скрыть от матери, в девичестве Ли, свое авторство, ему нравилось восточное, однако он не мог избавиться от англосаксонского имени.) В следующем году Берроуз подписывался просто «Билл». Билл Берроуз? Или Билл Ли? Неясно. Впрочем, с мая 1953–го половина его корреспонденции помечена псевдонимом «Вилли Ли». Можно бесхитростно предположить, что эти письма предназначались к использованию в романе. Впрочем, очень личное письмо от 17 августа, последнее перед тем, как Берроуз приехал в Нью – Йорк, также

---

[5] Аллен Гинзберг – Нилу Кэсседи, письмо от 4 сентября 1954 г. (из «Всегда твой. Избранные письма Аллена Гинзберга и Нила Кэсседи» под редакцией Барри Гиффорда; «Creative Arts Books», Беркли, 1977). – *Примеч. О. Харриса.*

подписано именем вымышленного персонажа.

Неизвестно, как отнесся Гинзберг к проблеме выбора имени, однако самого Берроуза она сбивала с толку определенно. Пройдет четыре года, прежде чем Керуак напишет: «…он, Берроуз (никаких больше «Ли»)»[6]. Как бы там ни было, в конце шестилетней географической разобщенности с Гинзбергом возникает лакуна, которая, как видно из этого сборника, длилась с августа по декабрь 1953–го, когда Берроуз, наконец, возобновляет письма, находясь на полпути в Европу. И тогда же союз его и Гинзберга умов прервался внезапным физическим разрывом.

Поток посланий продолжается из Рима: Берроуз, проклиная холод, сидит у себя в комнатушке и готовится отплыть в Танжер, читая «Человека – невидимку» Уэллса. Какой еще знак после отсылок к «Стране слепых» (в Перу) и «Машине времени» (при поисках яхе) мог бы стать более точным и зловещим в определении будущего? Как будто следующая глава жизни уже была написана, и Берроуз знал ее сюжет. В «Голом завтраке» говорится: «Испанские мальчики зовут меня El Hombre Invisible, «Человек – невидимка»…»

Сначала Рим, а затем и Танжер вызывают у бывалого путника бурные приступы отвращения, замешанные каждый раз на «обещаниях» других американских писателей: «поганого брехуна» Гора Видала, с которым Берроуз незадолго до того

---

[6] Джек Керуак – Люсьену и Чессе Каррам, письмо от 28 февраля 1957 г. (из архива Карра в Колумбийском университете). – *Примеч. О. Харриса.*

коротко пообщался в Нью – Йорке, и Пола Боулза («бесстыжего врун а»), чью книгу о Танжере «Пусть падет» он определенно читал. Девять месяцев спустя Берроуз по – прежнему жалуется, что «как-то его холодно принимают в Европе и Танжере», словно бы начинающего писателя везде предполагается встречать с красной ковровой дорожкой и салютом. Его суждение об иных краях, как и о людях, можно назвать капризным, если бы оно не являлось частью личности писателя. Определяя для себя позицию того или иного человека – по первому впечатлению или даже без него, – Берроуз неизменно жёсток. Хотя Боулз, например, при непосредственном знакомстве предстал перед ним совсем в ином свете. Случалось кому-то согрешить особенно тяжко – не ответить на письмо, и такого человека Берроуз проклинал. Некоторым, впрочем, удавалось пережить экзекуцию.

Приехав в Рим, Берроуз не застал там ни самого Алана Ансена, ни сообщения от него. Из Италии задумал ехать дальше в Африку и написал, открещиваясь от Ансена: «Что до него, то надеюсь, мы там – или еще где-нибудь – не встретимся […] Чья это идея – нам с Ансеном ехать вместе? Джека, да? Он всегда умел нечаянно обломать малину». Тремя днями позже Берроуз с Ансеном уже «помирились».

Жесткость, с какой Берроуз выносил суждения о людях, повлекла за собой многочисленные редакторские правки в материале предыдущего сборника. Читатель, знакомый с «Письмами Аллену Гинзбергу. 1953–1957 гг.» (где проци-

тированное выше письмо появляется в выправленной форме), заметит, как много существенных упущений восполнено здесь. К тому же здесь исправлены ошибки, допущенные в предыдущих изданиях: неверная датировка или опечатки. (И, надеемся, новых ошибок мы сами не привнесли.) Кроме того, редактура писем Уильяма Берроуза – та еще задача для любого редактора, учитывая, в каких условиях они писались. Когда у Берроуза ломалась очередная пишущая машинка, то перо обязательно допускало промахи в руке одурманенного наркотиками писателя. Вдобавок, многие письма снабжены обильными примечаниями автора, где-то что-то вырезано, а статус некоторых, в виду привычки Берроуза составлять из них главы для романа, определению не поддается вовсе. Даже самые личные послания играли роль записной книжки писателя, дневника безнадежной зависимости и безнадежного лечения писательством, своеобразного «Дневника чумного года» XX века.

Когда Берроуз прибыл в Северную Африку под новый, 1954 год, Танжер был интернациональной зоной, свободным портом, и территорией Марокко не являлся. В то время, как остальную часть страны поделили между собой Франция и Испания, Танжер оставался уникален – колонизированный восемью завистливыми и в то же время безучастными державами. Этакий гибрид – ни западный, ни африканский город «со множеством лиц и потому безликий»[7]. Одновремен-

[7] Ричард Паттерсон, «Внешний мир. Сочинения пола Боулза» («University of

но коллаж – и ничейная земля, привлекающая точно таких же неприкаянных людей. «Нарики, гомосеки, алкаши. Прямо как в Мексике, – пишет Берроуз о товарищах по изгнанию. – Многим пришлось покинуть родину по очевидным причинам». На юге простирались пустыни Черного континента, но Танжер, лежащий так близко от Гибралтара и материка Европы, не относился к вотчине Иностранного легиона. Тем не менее Берроуз, в поисках обретенной и утраченной в Мексике свободы, отделил себя от Гинзберга Атлантическим океаном.

Спустя всего четыре месяца в Танжере Берроуз вновь сильно пристрастился к наркотикам. Он буквально завалил немногих друзей потоком писем лишь потому, что не отвечал один – единственный, самый дорогой из всех. Нил Кэсседи просил Гинзберга: «Бога ради, Аллен, напиши ты ему. Мне почти каждый день приходят от него послания, в которых он воет, будто ты бросил его. Поверь, Аллен, он в отчаянии»[8]. За день до того Берроуз, охваченный гневом короля Лира, зачеркивал – но не вычеркивал, не убирал совсем – в письме строки: «Невнимание Аллена заставляет меня мыслить нерационально. Дождется, что я совершу нечто страшное. И это будет нечто, ужаснее всего, что видел свет». У Шекспира по тексту должен был «вздрогнуть мир». У Бер-

---

Texas Press», Остин, 1987). – *Примеч. О. Харриса.*

[8] Кэсседи – Гинзбергу, письмо от 23 апреля 1954 г. (из «Всегда твой»). – *Примеч. О. Харриса.*

роуза мир не вздрогнул, все обошлось. «Не волнуйся о Билле, – писал Гинзберг в ответ Кэсседи. – Он просто не получил моих писем, вот и завелся, навоображал себе всяческих ужасов. Он одинок или считает себя таковым, и потому у него временами едет крыша»[9]. По его словам, случился «ничем не обоснованный кризис», обычное стечение обстоятельств: потерянные письма и разрыв связи. Как бы искренне ни тревожился Берроуз за безопасность друга, он выдает свою боязнь за то, что может потерять единственного слушателя. Того, кому непрестанно шлет послания.

Двумя годами позже мало что изменилось: «За всю неделю я написал только одно это письмо. В сером аду наркозависимости нет больше никого, кроме тебя, на кого я мог бы положиться в страхе утратить связь с миром. Лишь к тебе я по – прежнему чувствую что-то». И, цитируя ответ Керуака на письмо от 22 апреля, Берроуз соглашается, что «в мире осталось не так уж и много дорогих людей», и ставит вопрос так: «Если я люблю Аллена, то отчего не вернусь и не заживу вместе с ним?»

В Танжере Берроуз оставался до сентября 1954–го, просаживая на наркотики двести долларов родительских денег ежемесячно, оставаясь на грани бедности и болезни. Крайность жизненных условий умножалась, находя отражение в письмах и зарисовках, словно перебивая реальность в жест-

---

[9] Гинзберг – Кэсседи, письмо от 12 мая 1954 г. (из «Всегда твой»). – *Примеч. О. Харриса.*

кости. Отвлекаясь на свои комедии, Берроуз пытался найти лекарство. Июльский приступ болезни привел к головокружительному падению, начавшемуся с физических страданий и исчезновения старого друга, Келлса Элвинса: «… боль с каждой минутой сильней и сильней. И Келлс умотал, именно когда нужен больше всего. Эрик, впрочем, пережил втрое больше…»

Далее одна за другой следуют три истории о грубых врачебных ошибках, одна страшнее другой, которые почти дословно перекочевали в «Голый завтрак», отлученные, правда, от личностных страхов, их породивших, и вычлененные из родного контекста. Излишества в пародиях вполне могли служить упреком Гинзбергу, однако читатель, инстинктивно разделяющий злую иронию Берроуза, понимает: то была необходимая терапия, прописанная автором самому себе. «Продолжаю писать просто, чтобы погасить чувство собственного ничтожества, – говорит он в письме, датированном следующим месяцем. – Ведь стоит отойти от листа бумаги, и оно возвратится. Оно тут, караулит меня…»

Обычно романист создает новый мир и населяет его выдуманными персонажами. В Танжере Берроуз нашел готовую вселенную, готовых персонажей, однако противоречивые свойства города, искусственное наполнение культурными смесями делает его непригодным для помещения в роман. Столь многонациональный и в то же время небольшой, Танжер с легкостью лишал человека прошлого, не давая пол-

ноценного настоящего и не помогая строить будущего. Результат, доставшийся Берроузу, очень точно описывает Пол Боулз: «Это место – подделка, транзитный зал ожидания, пункт пересадки с одного пути бытия на другой, который в тот момент стать путем никак не мог»[10].

Тем временем, отвергнутый даже Боулзом, Берроуз – несмотря на визиты друзей – описывает ежедневную жизнь как череду разнообразных основных рутин, включая работу с самими письмами. По утрам он шел извилистыми улочками старого Танжера в дипломатическое представительство США, где забирал почту, если таковая имелась. Затем пересекал Сокко – Чико с ее переполненными кафе, отправлял письмо Гинзбергу в отделении испанской почтовой службы. Или же брал иное направление – через рынки Сокко – Гранде, к отделению британской почтовой службы, услуги которой были куда эффективней. Наконец, возвращался в дом, стоящий в конце кривой улочки, где соседи – кто умел – читали справа налево. Там Берроуз садился за пишущую машинку и писал или переписывал очередное послание Гинзбергу. А с ближайшего минарета зазывал на молитву муэдзин: его пение влетало в открытое окно с единственным и неизменным видом – на тупик.

В письмах Берроуз забывался. «Когда рядом нет порядочного, умного собеседника – это настоящая мука, лишение, –

---

[10] Пол Боулз, «Пусть падет» («John Lehmann», Лондон, 1952; «Peter Owen», Лондон, 1984). – *Примеч. О. Харриса.*

пишет он. – Я тут разрабатываю теории, а поделиться-то не с кем. Что ж, ладно, расписался я, надо заканчивать». Зарисовкам требовался немедленный получатель, человек, аудитория. И Берроуз, словно артист, отчаянно искал слушателя, выворачивая себя наизнанку, потому что, как он писал Керуаку в сентябре того года, не был «самодостаточен». Осенью 1954–го Берроуз возвращается в Штаты, но безрезультатно: Гинзберг вновь отвергает его – посредством письма. В октябрьском ответном письме Берроуз говорит о странной, замкнутой силе переписки: описывает, как, перечитав письмо, он увидел «невероятный сон», первая часть которого – о письмах. Сновидение, настойчиво требуя толкования, являет образ презрения к собственной гомосексуальности и страха за тайну переписки: письма вскрыты и перемешаны, сновидец ищет их окончания, подписи, но не находит. В кошмаре Берроуз не мог определиться, кто он, и заодно сбылись его опасения – переписка прервалась, а все вместе, по иронии судьбы, предсказало рождение метода «нарезок».

Вернувшись в Танжер, Берроуз пишет Гинзбергу: «Как ты мне нужен! Без тебя временами меня терзает острая боль. Не из-за секса, нет – дело в письме». Перенос эротического желания на бумагу делает агонию тоски еще острей, ведь она-то и необходима для письма. Осознав, что творчество – это одновременно и путь к излечению, и путь к награде, Берроуз решает уединиться еще на год, дабы избавиться от пагубного пристрастия. Неудивительно, что свой роман он составляет

из писем – у них имеется свой читатель!

В письмах от октября 1955–го видно, что наступила кратковременная и в то же время результативная творческая ремиссия. К сожалению, точно определить последовательность написания писем, помеченных «A», «B» и «C», не представляется возможным. Отчасти – потому, что эти длинные послания активно перерабатывались и первоначальные тексты не сохранились. Отчасти – потому, что первое («A») недавно было издано в подборке и здесь не представлено. Ясно одно: масштаб собственной редакторской обработки не только обеспечивал Берроуза материалом для романа, но и помогал организовать структуру, развить творческую стратегию.

Описывая простенькую «фишку» в работе с текстом, позволяющую включить в роман все письма, «…даже любовные, …неполный материал – словом, все», Берроуз признает создание мозаичной композиции. Неизбежно возникают вопросы эстетического характера, потому как «мозаичная композиция свойственна больше живописи, нежели прозе»[11]. Берроуз в одной из картин Пауля Клее замечает то, что будто бы видел, «закрыв глаза, под приходом от яхе». Вспоминается письмо от 8 июня 1953 года из Пукальпы: «Эффект словами не описать […] Будь я живописцем, изобразил бы это на полотне». Галлюцинации, в свою очередь, относятся к «таинственному значению композиции», примененной к главе

[11] «Интерзона» («Viking Penguin», Нью – Йорк, 1989). Строка из неопубликованного здесь письма от 20 октября 1955 г. – *Примеч. О. Харриса.*

– подборке из писем; сюда же – фраза из «Голого завтрака»: «Так – с, место мы себе расчистили. Займемся Живым словом. Однако слово нельзя выразить прямо». Иначе говоря, Берроуз работал над тем, как посредством ссылок перевести словесное творчество в визуальное. Обрабатывая письма, он создает коллажи, похожие на те, которые получаются при использовании метода «нарезок». В 1955–м эта линия творчества пресеклась из-за отсутствия художественного сырья и контекста. А еще – вернулись наркотики.

В 1956–м Берроуз приехал в Англию, где прошел курс лечения апоморфином, потому что понимал: эта наркотическая зависимость, своего рода смерть при жизни, должна прерваться. «Я дойду до конца, – пишет он, – даже ценой жизни». Лечение не убило его, напротив – возродило. Вернувшись в Танжер, Берроуз напишет: «Я не думаю, что мы поменялись ролями. Наши роли скорее расширились и изменились сами по себе. У меня сейчас период перемен, куда более значимый, нежели период созревания и раннего детства». Внезапно наступает прорыв по всем направлениям. Энергия бьет из Берроуза ключом, фонтанирует, рвется наружу, словно поток воды из пробитой плотины: «Интерзону» мне будто диктуют. Не успеваю записывать». К себе писатель больше не относится, как к изгою: Танжер становится городом мечты, а про себя Берроуз говорит, будто получил откровение. В следующей зарисовке, переняв динамичную хипстерскую манеру письма Лорда Бакли, Берроуз уничто-

жает религиозных лидеров, расчищая дорогу для «старика Ли, вашего друга – пророка Билла».

В то время как сам Танжер терял независимость (всего через несколько дней город утратит статус интернациональной зоны), Берроуз обрел свой «прекраснейший город на свете». Он пишет о Танжере: «По крайней мере, для меня он всегда будет юн и красив». Единственное, чего не хватало писателю – это его друзей, Гинзберга и Керуака. Они приедут к нему через четыре месяца, вместе с Питером Орловски и Аланом Ансеном.

С их визитом весной 1957–го в переписке Берроуза с друзьями возникает очередной перерыв. Вместе они работают над рукописью романа, на который Берроуз и нацеливает свой поток энергии.

Первым прибыл Керуак. Поселился в отеле «Мунирия», заняв комнату над Берроузом, и пустил в ход свои способности скоростной печати. Однако скоро ему начали сниться кошмары, поскольку поведение Берроуза, как и его письмо, сделалось чрезвычайно похожим на самопародию и в равной степени отталкивающим. Неудивительно, что Керуак затосковал по дому и покинул Танжер вскоре после приезда Гинзберга с Орловски, которые заняли освобожденный им номер в гостинице.

По шесть часов в день Гинзберг работал над хаотичными текстами: используя свое уникальное знакомство с материалом, он набирал дополнения из материала трехлетней пере-

писки. Свою лепту добавил и Ансен, присовокупив к общему труду академические знания. В результате из мешанины текстов родилась двухсотстраничная рукопись.

Недолгое воссоединение с Керуаком и Гинзбергом вызвало эмоциональное напряжение: Берроуз признался Керуаку, что использовал его как передатчик в связи с Гинзбергом. Не могло не сказаться и присутствие юного любовника Гинзберга, Питера Орловски. Все же это воссоединение напомнило, о чем Берроуз тосковал в 1950–х и будет тосковать дальше. Сила битников росла, они захватывали все больше внимания общественности и получали все больше признания в литературе. Разбитое поколение поднимало в США свой флаг, но Берроуз не видел, как Гинзберг в Сан – Франциско читал «Вой»; не будет его и в Нью – Йорке, когда все газеты бурно обсуждали публикацию романа Керуака «На дороге».

Покинув Танжер, Керуак и Гинзберг поехали по Европе и после вернулись в Нью – Йорк. Берроуз, съездив в Европу, возвратился в Танжер.

Поначалу поездки в Лондон и в Копенгаген казались ошибкой, однако позже кусочки мозаики заняли положенные им места. Пересматривая свою работу, Берроуз понял: места в ней для писем и прочих эпистолярных форм не осталось. В сентябре 1957–го он довольно резко реагирует на предложение Гинзберга продолжить линейное повествование: «…Пробовать организовать материал в хронологическом порядке нечего и пытаться, дохлый номер». Берроуз

отказался от точного хронологического единства частей романа, потому как искусственный, традиционный способ построения повествования с его литературными временем, историей и стилем ему не интересен. Требовалось воссоздать восприятие Танжера и одновременно с этим – процесс работы над романом: усиленное наркотиками восприятие странного коллажа из историй и культур, выливающихся во внезапное, обостренное пересечение в городе глюков и реальности; слияние и перестановка прошлого и будущего, фактов и вымыслов, приходящих из переписки, нарезки и подборки из массы фрагментарного материала.

Двумя годами ранее Берроуз писал, что «Джанк», «Гомосек» и «Яхе» воссоздают его прошлое. «Голый завтрак», с его резкими переходами и противоречиями, работал от обратного: время и стиль скачут сквозь процесс шизофренической деконструкции. Отсюда и важность развития в нем теории, дающей «ключ к пониманию зависимости, рака и шизофрении», помогающей если не объяснить, то организовать новый материал. Многие из размышлений Берроуза, медицинских теорий – из тех, которые не были лишены смысла, – предугадывали научные открытия. В «Голом завтраке» есть такие строки: «– Я это уже три сотни лет назад придумал. – Твои планы и тогда не работали, и сейчас бесполезны… Как чертежи летательной машины Леонардо да Винчи…»

На творческом уровне готовность писателя сделать неотъемлемой частью романа любую научную теорию, пусть и

неприменимую на практике, позднее привела к сдвигу – к прорыву от содержания к технике.

После трех месяцев безумного процесса письма и самоанализа Берроуз зимой 1957–го в Танжере сбросил старую шкуру. «Я теперь совсем другой человек. Почти готов оставить Танжер». Обещание стать новым человеком предполагало смену обстановки, разрыв с прошлым. Как пишет биограф Берроуза, это был «первый раз, когда он покидал насиженное место добровольно, не из страха перед силами закона и порядка»[12].

В январе 1958–го Берроуз направился в Париж: надо было окончательно определиться в отношениях с Гинзбергом, который жил во Франции с сентября предыдущего года, и возобновить сеансы психоанализа. Гинзберг поразился новому Берроузу: «Старый сатанинский Билл предстал передо мной ангелом!»[13], – писал он. Именно такой встречи – как друзья – ждали они долгие годы. Тяжесть эмоций и травм Берроуз спокойно перенес на кушетку в кабинете доктора. Узнав об этом, Грегори Корсо написал: «Они убьют тебя. Впрочем, ты этого, наверное, и ждешь, потому что писать больше не хочешь»[14].

---

[12] Тед Морган, «Писатель и преступник. Жизнь и времена Уильяма Берроуза» («Henry Holt», Нью – Йорк, 1988). – *Примеч. О. Харриса.*

[13] Гинзберг – Питеру Орловски, 20 января 1958 г., «Отрада искренних Сердец. Любовные стихи и избранные письма с 1947 по 1980 г.» под редакцией Уинстона Лейланда («Gay Sunshine», Сан – Франциско, 1980). – *Примеч. О. Харриса.*

[14] Грегори Корсо – Берроузу и Гинзбергу, письмо от февраля 1958 г., из Вене-

Чего бы ни желал Берроуз, нормализация отношений с Гинзбергом, столь необходимых для творчества, совпала с успешным лечением у психоаналитика и отвлекла Берроуза от написания писем и прозы. В октябре 1958–го он привязывает дальнейший радикальный прогресс в психоанализе с не менее радикальным прорывом в творчестве: «Психоанализ поднимает меня на сказочные высоты! Я жутко разочарован собственной писаниной и ремеслом вообще». Всего за месяц до того Берроуз объединил усилия с Корсо, желая создавать журнал, однако затея провалилась – и провалилась, среди прочего, по очень наглядной причине.

Проект был обречен на провал, потому что, как сам Корсо писал Гинзбергу, содержание планировалось «наимерзейшее, наигнуснейшее, наивульгарнейшее и наипошлейшее» – а эта тема для Берроуза уже устарела. За год до того, в Танжере, Гинзбергу и Керуаку снились кошмары от материалов Берроуза. А слова героя Булла Хаббарда из «Ангелов разрушения»: «Все дело в достижении катарсиса: я выдаю наигнуснейшие вещи, принимаю самую страшную, грязную, унизительную позу – а к тому времени, как закончу эту книгу, я очищусь и обернусь ангелом…» – становятся пророческими. В плане содержания Берроуз благополучно достиг предела. В следующий месяц, несмотря на огромные успехи в других областях жизни, он признается: «По – прежнему ни строчки не написал…» И в том же письме рассказывает о соседе по

ции (из архива Гинзберга в Колумбийском университете). – *Примеч. О. Харриса.*

парижскому отелю, художнике: «В его картинах мне видится ментальный пейзаж моих собственных работ. Он пишет на полотнах то, что я пытаюсь изложить на бумаге».

Соседа звали Брайон Гайсин.

Тем летом Гинзберг уехал из Парижа, а Берроуз сдружился с тем, кто холодно отнесся к нему в Танжере, и кого он сам окрестил «сучкой из сучек, параноиком» – с Брайоном Гайсином. Но прежде чем они достигли того, что сам Гайсин определил «душевным симбиозом»[15], Берроуз повстречал еще одного невероятного человека – Жака Стерна. Страстно восхваляя Стерна, Берроуз как будто бы готовился петь дифирамбы Гайсину, представляя Стерна то великим писателем, то мастером мистических техник терапии. К тому же Берроузу срочно понадобилось развернуть психологию и литературную сторону «Голого завтрака» за пределы своего наркотического опыта. Проще говоря, требовался новый источник идей, новая фокусировка. Стерн вскоре отойдет в сторону, а творческую потребность удовлетворит Гайсин.

Берроуз хотел писать «вещи столь же опасные и напряженные, сколь и коррида», чтобы во время создания он, как и Гайсин, рисковал «жизнью и рассудком». Сразу вспоминаются более ранние разговоры об отождествлении собственных целей с целями другого живописца: «Я, будто Клее, пы-

---

[15] Брайон Гайсин и Терри Уилсон, «Здесь, чтобы уйти: планета R-101» («Re/Search Publications», Сан – Франциско, 1982). – *Примеч. О. Харриса.*

таюсь создать нечто, что жило бы само по себе, что угрожало бы мне – по – настоящему; эту угрозу я охотно бы принял»[16]. Ровно три года спустя оказалось, что возбуждение Берроуза, прямо и интуитивно отождествлявшего свои работы с работами Гайсина, имело и оборотную сторону: очевидный успех живописца только подчеркнул затянувшийся творческий кризис Берроуза, как и предполагало различие между ним и Гайсином. Гайсин уже «писал», а Берроуз еще только «пытался». Тем временем началась публикация отрывков из «Голого завтрака».

Есть некая доля иронии в событиях, приведших к выходу в свет самой известной книги Берроуза. В то время опубликовать ее могли только в Париже, и единственным издателем, которого она могла бы заинтересовать, был Морис Жиродье из «Olympia Press». Однако он отказал Берроузу еще до прибытия писателя во Францию, поэтому в апреле 1958–го пришлось обращаться в Сан – Франциско, в «City Lights». Хотя Берроуз и разрешил Лоуренсу Ферлингетти не «публиковать самых «грязных» моментов, дабы избежать в дальнейшем затруднений юридического характера», тот все равно отклонил роман. Только когда отрывки из «Голого завтрака» появились в американских журналах и привлекли внимание прессы, Морис Жиродье решился наконец на публикацию книги целиком. Из-за беспорядочной организации материала, ее части пошли друг за другом в том порядке, в

[16] «Интерзона». – *Примеч. О. Харриса.*

каком попали к типографщикам. Этот финальный этап Берроуз позже окрестит «случайной сборкой»[17].

К моменту публикации «Голого завтрака» Берроуз двигался вперед, наполненный свежей «силой и уверенностью в себе», готовый войти в период новых кардинальных перемен. С конца 1958–го от письма к письму становится видно, как росла сила, копилась энергия преображения, назревала душевная буря… В последующих литературных текстах это предстает плодом воображения, однако письма предполагают обратное. Сразу после выхода «Голого завтрака» Берроуз писал: «Сейчас я поднимаюсь, а то, что излагаю на бумаге, отражает процесс. И ни фига это не продукт воображения, все описанное мною реально […] И потому, в самом что ни на есть буквальном смысле, моя писанина опасна».

Публикация «Голого завтрака» стала вехой, концом эпохи «грязи и поражений», вслед за которыми пришел успех. «Претерпев миллион падений и неудач, назад я не собираюсь», – писал Берроуз. Однако наш сборник этим не заканчивается, потому что всего через несколько месяцев Берроуз забудет старые связи, приведшие его в Париж, открыв новые, которые продержат его во Франции до 1959–го. Началась новая большая дружба, равная той, которую Берроуз оставил в предыдущем десятилетии, а заодно и новая форма терапии,

[17] Из «Интервью с Уильямом Берроузом» (Джон Тайтелл, март 1974–го), включенного в «Дневник разбитого поколения» под редакцией Артура и Кит Найт (Калифорния, штат Пенсильвания, 1977 г.). – *Примеч. О. Харриса.*

долговременное сотрудничество с профессиональным психоаналитиком. Начало обоих знакомств совпало с переломным моментом в творчестве писателя. Берроуз одним плавным движением закрыл страницу своего прошлого и начал новую книгу.

В финальном послании Гинзбергу он пишет о создании «нового метода письма» – «нарезок», которые станут прототипом для целого ряда способов творчества, и Берроуз потратит на его активное изучение следующее десятилетие. В этом томе мы не станем раскрывать практического применения «нарезок», однако ключевой элемент их происхождения, обычно игнорируемый, здесь раскрыт. Когда Брайон Гайсин показал пробную «нарезку» Берроузу, он имел на то две причины: «Я-то думал, он разразится диким хохотом, как и я. Однако Билл снял очки, проглядел текст внимательней и выдал: «Брайон, ты создал прелюбопытную вещь» [...] В моей пробной «нарезке» он отыскал нечто чрезвычайно для себя важное»[18].

Причина первая: Берроуз восхищался познаниями и опытом Гайсина. Тот изучал японскую и арабскую каллиграфию, присутствовал при создании военных фротажей Макса Эрнста, а в 1935–м Андре Бретон изгнал Гайсина из сообщества сюрреалистов. Гайсин был хорошо знаком с историей движений художников, использующих в работе несколько видов искусств, и с техниками таких парижских мэтров, как Мар-

[18] Брайон Гайсин, «Здесь, чтобы уйти». – *Примеч. О. Харриса.*

сель Дюшамп, Мэн Рей, Анри Мишо, Бенжамин Пере и Тристан Цара – с ними Берроуз (вместе с Гинзбергом и Корсо) познакомился в июне 1958–го. В Танжере у Берроуза и Гайсина общего нашлось мало, однако в Париже Гайсин открыл целую художественную среду, которую Берроуз знал весьма поверхностно. Общение с Гайсином – не говоря уже о методах дадаистов и сюрреалистов – в письмах не упоминается, но все равно заметно, как сильно повлияло изобразительное искусство Гайсина на Берроуза. Он ведь даже решил попробовать силы в рисунке. Как художник, Берроуз станет известен только через тридцать лет, хотя для первого издания «Голого завтрака» обложку нарисует сам. В апреле 1959–го Берроуз уверял, что его рисунки «определенно живые», а в мае советовал «накуриться», и тогда «смысл рисунков проявится сам собой». Это вновь напоминает о чувстве родства с Клее и его визионерскими работами и вытекающем из этого мозаичном построении подборки из писем. И все же, как бы ни желал Берроуз открыть для себя новый вид искусства, он не мог творить кистью Гайсина. Однако, вооружившись ножницами, он рискнул применить к своим текстам метод работы с графическим материалом.

Причина вторая: Гайсин не просто повлиял на открытие Берроузом нового метода работы, но и помог раскрыть его терапевтический эффект. Изначально метод «нарезок» у Берроуза относился напрямую к «науке об умственном здоровье» Рона Хаббарда, так называемой сайентологии –

кардинально простому, если не сказать примитивному учению, которое, тем не менее, поставило крест на дальнейшем лечении у психоаналитика, приносившем очевидные плоды. Дианетика Хаббарда природу имела механистическую и потому позволила Берроузу развить новый метод, совместивший в себе художественный, терапевтический и научный уровни предыдущих работ. Прежде всего, дианетика предлагала самодостаточность. Следующей книгой Берроуза стал написанный в соавторстве памфлет «Уходящие минуты», который продвигал метод «нарезок» в качестве лекарства, средства творческого развития. Предлагался простой путь, как превратить пациентов во врачей, читателей – в писателей. «Сделай сам!» – призывал Берроуз.

Внезапное совмещение художественного и терапевтического направлений, выведенных из наработок Гайсина, должно было, по идее, отдалить Гинзберга от Берроуза. «Принципы этого метода объяснять тебе не стану, – пишет Берроуз, – пока ты не пройдешь обучения». Однако последние два письма дают понять: новые пути в творчестве сопровождались более глубоким, личностным отчуждением.

«Автобиографическая» заметка в предпоследнем письме предваряется ремаркой, будто бы Гинзберг стал путать Берроуза «с человеком, которого больше на свете-то нет». Берроуз начинает ее с отрицания своей прошлой жизни: «Прошлого у меня нет […] Помните?» – спрашивает он и сам же отвечает в манере писца Бартлби: «Я же хочу забыть». От-

ражая суть «его» биографической заметки, последнее письмо написано «не лично» Гинзбергу: «На вышесказанное внимания не обращай», – говорит Берроуз. Спустя столько лет, наполненных не просто желанием, а реальными попытками обрести аудиторию, Берроуз направляет энергию своих последних писем в сторону, противоположную предыдущим творческим усилиям, принимается нападать на всякий носитель письменного текста и отвергает самого близкого читателя как раз в момент «смерти автора», которая никогда еще не проявлялась столь буквально.

В последний раз, когда Берроуз составлял «автобиографическую заметку» – в апреле 1952–го, – он подписал ее новообретенным псевдонимом и глубоко личным признанием Гинзбергу: «Океан любви тебе от Вилли Ли – торчащего пейсателя Билла». Семь лет, начиная с 1945–го, Берроуз с Гинзбергом переписывались, сближаясь и сближаясь. И могли бы сблизиться еще больше. Следующие семь лет Берроуз подписывался одним и тем же безличным именем, заключающим «нарезанную» «биографическую экзегезу» от третьего лица. Ею же он заканчивает свое последнее в этом томе письмо к Гинзбергу. Автобиографическая, эпистолярная и творческая линии сходятся. Цикл писем, их круг замыкается.

Оливер Харрис,
Англия, Оксфордшир

Август 1991 г.

1945

Аллену Гинзбергу

Штат Миссури, Клейтон,
Саут – Прайс – роуд, 700[19]

24 июля 1945 г.

Дорогой Аллен!

Я только вернулся из деловой поездки в Чикаго и получил твою открытку. Очень приятно, спасибо.

Твое начальство, похоже, решило, что может проявить к тебе снисходительность. Или же посчитало, будто неправилен ты аж на физическом уровне[20].

Теперь скажи: где ты брал К.[21]? Мои запасы крайне скудны.

---

[19] Адрес родителей Берроуза (с 1926 г.). – *Примеч. О. Харриса.*

[20] Начальство: руководство Колумбийского университета. Гинзберг оставил на окне в Ливингстон – холле граффити оскорбительного содержания. Утром 17 марта 1945–го к нему в комнату студенческого общежития наведался декан Фермин и обнаружил там Керуака, которому вход на территорию кампуса был запрещен. После психиатрического обследования Гинзберга отстранили от занятий. – *Примеч. О. Харриса.*

[21] К. – кокаин. – *Примеч. О. Харриса.*

С работой в торговом флоте задержек все больше: требуют еще документ – заключение армейской медкомиссии, а его надо запрашивать в Центре хранения дел уволенных в запас, это в Северной Каролине. *Quelle Blague alors!* [22] Посылаю через тебя письмо Джеку [Керуаку] – он же не додумался указать на конверте свой обратный адрес[23].

Veuilles acceptez mes sentiments de plus cordials. Je vive a te revoir[24],

Уильям Берроуз

[22] Что за бред! (*фр.*) – *Примеч. пер.*

[23] В письме Керуаку Берроуз одобрил план друга об устройстве моряком на торговый флот. Однако под давлением родителей план Керуака провалился, и Берроуз стал работать продавцом содовой в аптеке, расположенной под квартирой родителей в Озон – парк. Берроуз и Керуак встретились в Нью – Йорке в августе того же года, в день победы над Японией. – *Примеч. О. Харриса.*

[24] Искренне твой, живу надеждой на встречу (*фр.*).

1946

Аллену Гинзбергу

Штат Миссури, Сент – Луис,
Конуэй – роуд, 10036[25]

1 сентября 1946 г.

Дорогой Аллен!

Спасибо за письма, я очень рад получить весточку от тебя. Значит, соседствуешь с Гольдштейнами[26]? Понимаю, скука смертная. В Колумбийском тебя восстановят, даже не сомневайся, Макнайт просто выделывается, притворяется правильным[27].

---

[25] Адрес сувенирного магазина, принадлежавшего родителям Берроуза; лавка находилась недалеко от их квартиры на Саут – Прайс – роуд. В июне судья, ведший дело Берроуза, за употребление наркотиков приговорил его к домашнему аресту на все лето. Историю ареста Берроуз описывает в романе «Джанки». – *Примеч. О. Харриса.*

[26] Соседство с Гольдштейнами: Гинзберг обосновался на верхнем этаже дома по Девяносто второй улице; на одном с ним этаже снимали комнату бывшая супруга популярного автора Гарри Голдена и ее сын. В том же доме жил писатель Чарльз Питерс. – *Примеч. О. Харриса.*

[27] Николас Макнайт – декан Колумбийского университета, отстранивший Гинзберга от учебы. Гинзберг немедленно подал апелляцию, и Макнайт, получив ре-

Наркоту я забросил, и, ты знаешь, совершенно не хочется к ней возвращаться. С головой ушел в коммерцию, хочу продавать запатентованные лекарства и бытовую технику, есть куча планов. Но черт бы побрал санэпидемстанцию! Не дают продавать таблетки с фтором – от кариеса. «Лекарство для зубов и косточек от Билли из округа Здоровых зубов»[28]. Думал состряпать афродизиак, так его уж точно не пропустят.

Не теряйся, пиши.

Всегда твой,
Билл

Что там, кстати, по делу Люсьена[29]?

* * *

Аллену Гинзбергу

зультаты психиатрического обследования, к началу осеннего семестра допустил Гинзберга до занятий. – *Примеч. О. Харриса.*

[28] Округ Диф – Смит, недалеко от города Амарилло в Техасе. Есть мнение, что местная вода, богатая известью и фосфатом, лечит кариес. Говорят даже: «Пей местную водицу, и сначала известь скопится у тебя под пломбами, а потом и вовсе их вытолкнет». – *Примеч. О. Харриса.*

[29] Люсьен Карр был выпущен на свободу, отбыв два года в исправительной колонии для несовершеннолетних (г. Эльмира, штат Нью – Йорк) за убийство Дэвида Камеррера в 1944–м. Берроуз и Керуак проходили свидетелями по его делу; Берроуз знал и Карра, и Камеррера еще с Сент – Луиса. – *Примеч. О. Харриса.*

Штат Миссури, Сент – Луис,
Конуэй – роуд 10036[30]

10 октября 1946 г.

Дорогой Аллен!

Спасибо, что рассказал о Джоан[31]. Я выслал ей деньги почтовым переводом на имя Гарвера[32]. Увидишь ее, передай: в Нью – Йорке буду ближе к концу месяца и, может, заберу ее с собой в Техас, где и перезимуем. Там деньги просто заработать – легче, чем фрукты на плантациях собирать. Этакие грейпфруты. За зиму надеюсь выручить тонн десять дол-

---

[30] Адрес в шапке письма неверен, писал Берроуз из города Фарр в Техасе. – *Примеч. О. Харриса.*

[31] Джоан Волмер – Берроуз, гражданская жена Берроуза с начала 1946–го; к ноябрю она уже называла себя миссис У. С. Берроуз. В октябре ее поместили в психиатрическую лечебницу Беллвью. Когда письмо к Джоан вернулось, Берроуз не на шутку обеспокоился; тридцать первого числа он забрал ее из больницы и привез в Техас. Поначалу они жили в доме с Келлсом Элвинсом (с ним Берроуз дружил еще с детства и с ним же арендовал домик в Фарре). Элвинс вел хозяйство в долине Рио – Гранде, а Берроуз купил на родительские деньги пятьдесят акров земли неподалеку. Далее Берроуз с Джоан обзавелись собственным хозяйством в девяносто девять акров неподалеку от Нью – Уэйверли, на западе Техаса, в сорока милях от Хьюстона. – *Примеч. О. Харриса.*

[32] Уильям Мэйнард Гарвер познакомился с Берроузом через Герберта Ханке (Гарвер и Ханке вместе отбывали срок в тюрьме Райкерс – Айленд). Гарвер, чтобы достать деньги на героин, воровал и потом сдавал в ломбард пальто. В романе «Джанки» он фигурирует под именем Билла Гейнза. – *Примеч. О. Харриса.*

ларов чистыми на отправке цитрусовых почтой. Но сначала смотаюсь в Сент – Луис: разведусь с женой[33], возьму деньжат у родителей.

Люсьену от меня наилучшие пожелания.

Увидимся в конце месяца. И достань адрес Джоан!

Всегда твой,
Билл

[33] Под «женой» Берроуз подразумевает Ильзу Херцфельд Клаппер. Брак с ней был заключен по расчету – в Афинах 1937–го, дабы помочь Ильзе, немецкой еврейке, бежать от фашистов. Он познакомился с Ильзой в Дубровнике, когда путешествовал по Европе в 1936–м. – *Примеч. О. Харриса.*

1947

Аллену Гинзбергу

Штат Техас, Нью – Уэйверли

19 февраля 1947 г.

Дорогой Аллен!

Получил твое письмо, рад за вас с Кэсседи[34].

Мнение мозгоправов, будто у тебя проблемы с головой, меня нисколько не удивляет. Им, козлам, лишь бы упечь кого-нибудь, вроде тебя, в психушку. Для них нормальный, угодный человек – это зачуханная кабинетная крыса, которой мерещится, что ее все ненавидят. Человек, абсолютно забитый, от кого не дождешься ничего, в чем мозгоправ найдет непорядок. Обратись лучше к ученикам Райха, они ребята клевые[35].

---

[34] За месяц до того Гинзберг повстречал и влюбился в Нила Кэсседи. – *Примеч. О. Харриса.*

[35] 11 марта Гинзберг написал Вильгельму Райху о своих «проблемах с психикой» – гомосексуальных наклонностях – и просил посоветовать специалиста. Он также писал, что Берроуз, не имеющий диплома специалиста в соответствующей области медицины, сам его обследовал (за год до этого) и беседа «не принесла изменений, только разрушила часть «брони характера», дыры в кото-

Мне бы немного ганджи. Прилагаю двадцать баксов. Аллен, это очень важно. Прошу, как прикупишь травы, посмотри, нет ли семян; если есть – сохрани. Обязательно. Если берете крупные партии, друзей попроси о том же. Да, и разузнай цены на семена. Те, которые я купил, похоже, стерилизованы. Вот низость, скотство! Ты представляешь! Клятые бюрократы! Присылай мне все семена, какие сумеешь достать. Тут Вики их собирает[36].

Присылай траву осторожно. На конверте имя и обратный адрес ставь фальшивые.

Гарвер отмазался, придумал вполне себе правдоподобную легенду, так что нас с Ханке почти не задело[37].

Всегда твой,
Билл

* * *

Аллену Гинзбергу

рой заделать нечем». (Письмо опубликовано в монографии Барри Майлза «Гинзберг» [«Simon & Shuster», Нью – Йорк, 1989].) – *Примеч. О. Харриса.*

[36] Вики Рассел, она же Присцилла Арминджер, дочь детройтского судьи и подружка Герберта Ханке. В «Джанки» фигурирует под именем Мария. – *Примеч. О. Харриса.*

[37] Герберт Ханке (род. 1916 г., штат Массачусетс, г. Гринфилд), известный наркоман и хипстер с Таймс – сквер. У Берроузов он поселился в январе и прожил с ними до сентября. В «Джанки» фигурирует под именем Герман.

Штат Техас, Нью – Уэйверли

11 марта 1947 г.

Дорогой Аллен!

Спасибо, что написал.

Гарверу я больше не доверяю. Попросту не могу. Гаденыш посмел оскорбиться, когда я засомневался в его «честности» и не высылал денег, пока он сам не отправил мне лекарства на те десять баксов, что я заплатил ему в последний раз. (В ответ на письмо с деньгами Ханке написал, будто высылает мне настойку[38], а сам хрен что отправил.) По – моему, чувак совсем плох.

Я не болен, честно, не волнуйся обо мне. Спасибо за заботу, но помощь не нужна.

Вряд ли семена мака стерилизуют, иначе не стали бы их поставлять прямо в садоводческие магазины. Только не надо их килограммами закупать. Идиотство, натуральное идиотство – эти бюрократы из-за ганджи бесятся больше, чем из-за опия. В Техасе хранение плана – тяжкое преступление, и светит за него годика два. Вообще много, что с планом связанное, считается преступлением.

---

[38] Настойка: возможно, болеутоляющее средство, слабая настойка опиума на камфорном масле. – *Примеч. О. Харриса.*

Достать семян конопли ты, конечно, не сможешь. Жаль. Говорю ведь, мои семена пустые. Мак растет, а ганджубас не показывается. Уверен, что вообще не покажется. Я все-таки зависну тут, чтобы расходы оправдать, поэтому пришли мне семян, пожалуйста.

С ответом не затягивай. У нас самое настоящее лето; кругом здоровенные скорпионы ползают, тарантулы, от клещей и комаров спасу нет. Только вчера я убил десять скорпионов. И потом – крысы, кошмар, наводнили весь дом. Огромные, сволочи, как опоссумы. Подстрелил одну, самую жирную – все смылись, одна эта застряла в дыре, задница не пролезла. Да, крыс тут немерено. Не завести ли хорька?

Всегда твой,
Билл

* * *

Аллену Гинзбергу

Штат Техас, Нью – Уэйверли

8 августа 1947 г.[39]

[39] Берроуз датировал это письмо 10 июля, однако штемпель на конверте сообщает о другой дате – 8 августа 1947 г. Кроме того, родители, Морт и Лора, навестили Берроуза после рождения внука Уильяма Берроуза III (сына Уильяма

Дорогой Аллен!

Рад получить весточку от тебя. О твоих бедах узнаю с печалью, но нисколько им не удивлен. Посылаю тебе десять долларов на первое время[40].

Пришло два пустяковых письма, я перенаправил их тебе в Денвер. Еще письмо принесли сегодня – с ним поступил так же. Один конверт я вскрыл, подумал, это от Норманна[41]. Оказалось, от Чарли. Кто такой? На фига оно мне? Норман, боюсь, не ответит, очко у парня играет. Ладно, пусть, трава-то растет, и то, что я собрал на пробу – вовсе не дурно. Может, получится обойтись без очкуна Норманна[42], переживу как-нибудь.

Берроуза и Джоан Волмер) 21 июля 1947 г. в Техасе, городе Конрой. – *Примеч. О. Харриса.*

[40] Закончив семестр в Колумбийском университете, Гинзберг автобусом отправился в Денвер, чтобы провести лето с Нилом Кэсседи. Тот как раз начал сожительствовать с Каролиной Робинсон (позднее Кэсседи), будучи женатым и делящим супружеское ложе с Луанной Сандерсон. Несмотря на финансовые затруднения в самом начале, Гинзберг вскоре нашел работу и жилье. – *Примеч. О. Харриса.*

[41] Норман, с ним Берроуз познакомился через их общего друга, Джека Андерсона, который, как и Норман, работал в нью – йоркских доках. Именно от Нормана в январе 1945–го Берроуз получил несколько шприцов, заправленных морфием. В романе «Джанки» Норман фигурирует под именем Нортон. – *Примеч. О. Харриса.*

[42] «Без очкуна Нормана», в смысле без его советов по поводу того, как заготавливать марихуану.

Приезжали родители, и, прикинь, все хорошо. Даже помогли мне, очень неслабо.

Твоя поэма мне очень понравилась[43].

Пиши обо всем новом. Боюсь одного: как бы не случилось с тобой беды.

Всегда твой,

Билл

P. S. Купил весы. Конверт с твоим новым адресом потерял, так что буду писать на старый, пока не ответишь.

[43] В честь рождения сына Берроуза Гинзберг написал оду – рифмованный стих, который сочинил за шесть дней где-то в конце июля. – *Примеч. О. Харриса.*

1948

Аллену Гинзбергу

Штат Техас, округ Уид[44]

День кочующего нужника[45]
20 февраля 1948 г.

Дорогой Эл!

Я пару недель как вернулся и чувствую себя наконец хорошо. Лечился в Лексингтоне. Две недели там провалялся, а потом еще три больной ходил. К черту все, друг мой, к черту[46]!

Подсчитай, пожалуйста, сколько тебе понадобится денег на то, чтобы упаковать морфий и прислать мне. Затраты на упаковку и, может даже, доплату за срочность запиши на мой счет. Как узнаешь, сколько нужно денег, – пиши, я пришлю.

---

[44] Округ Уид – Нью – Уэйверли. – *Примеч. О. Харриса.*

[45] История происхождения этого «праздника» точно не известна, однако есть предположение, будто день назван в честь старого наружного нужника, который хозяева дома за ненадобностью передают соседям. – *Примеч. пер.*

[46] Берроуз лег в Федеральную лечебницу для наркозависимых в Кентукки – после зимы в Нью – Йорке, где Билл Гарвер и подсадил его на наркотики. Опыт пребывания в Лексингтоне описан в романе «Джанки». – *Примеч. О. Харриса.*

А пока я успешно провел парочку опытов с концентратами травки. Могу еще похимичить, если достанешь селекционных семян. Нужна кварта, по двадцать пять баксов за пинту. Как узнаешь, сколько можно взять и по какой цене – дай знать. И будь осторожен.

Еще: не внушают мне доверия эти ребята из школы Райха, слишком они прямые, чересчур натуральные. Вспомни Бенни Графа. Говорят, если мужик слишком правильный, то значит, он извращенец[47].

Ты передал мой подарочек на Рождество Ханке и Филу[48], нет? Вот бы назад его.

Ну, и раз уж я в такой дыре обретаюсь, придется жестко экономить. Завел двух хряков – буду помоями кормить, пусть жиреют. Скоро думаю цыплят разводить. Волков, правда, здесь до одури… пришли из дремучего леса к северу от Пайн – Вэлли.

---

[47] Зимой Гинзберг стал дважды в неделю посещать специалиста, рекомендованного Райхом, доктора Алана Кота, в Ньюарке. Курс лечения длился три месяца. Бенни Граф, пациент другого райхианца, позднее стал наркоманом и полицейским осведомителем. – *Примеч. О. Харриса.*

[48] Фил Уайт: вор и наркоман из Теннесси. В романе «Джанки» фигурирует под именем Рой. С Уайтом и Ханке Берроуз познакомился во время своего первого наркотического опыта в 1945–м. Уайт незадолго до того вернулся из рейса, и к нему пристало прозвище Моряк. Вместе с Моряком Берроуз «обрабатывал дырку», то есть промышлял карманным воровством в подземке. Под «подарочком на Рождество» Берроуз скорее всего подразумевает шарики опиума домашней выделки, из мака, выращенного им самим; Гинзберг забрал их в августе 1947–го, когда навещал друга в Нью – Уэйверли. – *Примеч. О. Харриса.*

От Гарвера прибыл подарочек. Надо же. Передай ему привет и всего – всего наилучшего. И еще кому-нибудь того же передай, кого встретишь. Не скупись на приветы – они же стоят совсем ничего.

Честный свинопас,
Уилл Берроуз

P. S. Пришли свой адрес, я потерял его[49].

* * *

Джеку Керуаку и Аллену Гинзбергу

Новый Орлеан

5 июня 1948 г.

Дорогие Джек и Аллен!

Рад наконец получить письмишко от вас обоих, а заодно узнать, что роман успешно закончен[50]. Я послал письмо на

[49] В то время Гинзберг снимал комнату в доме 536 на Западной Сто четырнадцатой улице, напротив Колумбийского университета. – *Примеч. О. Харриса.*

[50] «Городок и город», черновик которого Керуак закончил в мае. – *Примеч. О. Харриса.*

старый адрес – Двадцать седьмая улица. Его мне вернут, уверен[51].

Новостей в вашем письме, конечно, кот наплакал, хотелось бы больше: про Гарвера, Карлоса, Ханке, Фила, Хэла, Люсьена и про самих себя рассказали бы[52].

Свое имущество в Нью – Уэйверли я распродаю и перебираюсь в Новый Орлеан, где купил фермочку в долине Рио – Гранде. Думаю срубить там немало деньжат, когда придет пора собирать хлопок. Только найду компаньона.

В Техасе за вождение в пьяном виде и аморальное поведение отобрали права[53]. Фигово в Техасе, скажу я вам. Вот получу гражданство луизианское и возвращаться сюда буду лишь за тем, чтобы проведать, как мои вклады. Из Уэйверли уезжаю, в гости никого принять не смогу – дома пока нет, хотя я начал общаться с нужными людьми по этому поводу. Ну, и надо же где-то пристроить своих спиногрызов[54]. А куп-

---

[51] Осенью 1947–го Гинзберг снимал комнату в доме на Западной Двадцать седьмой улице, однако на момент написания данного письма перебрался в другой дом – на Западной Сто четырнадцатой улице. – *Примеч. О. Харриса.*

[52] С Хэлом Чейзом, уроженцем Денвера, Берроуза познакомила Джоан в 1944 году. Хэл изучал антропологию в Колумбийском университете. Карлос прежде покупал у Берроуза наркотики. – *Примеч. О. Харриса.*

[53] Берроуза вместе с супругой, Джоан, арестовали за аморальное поведение: патруль застал их в припаркованном неподалеку от Бивилля автомобиле. Берроуз заплатил штраф в сто семьдесят три доллара и был выпущен под залог (внесенный родителями) после ночи, проведенной в тюремной камере. – *Примеч. О. Харриса.*

[54] Спиногрызы: Жюли Адамс, трехлетняя дочь Джоан от предыдущего брака,

лю дом – тогда и в гости приезжайте.

На ферме остается кое – какой урожай. Через недельку, наверное, приеду собрать, хотя это опасно. Ну ладно, пишите да с ответом не затягивайте! Мой новый адрес: штат Луизиана, Новый Орлеан, 20, Трансконтинентал – драйв, 111.

Пробуду здесь, пожалуй, еще несколько неделек.

Всегда ваш,
Билл

* * *

Аллену Гинзбергу

Штат Луизиана, Алжир,
Вагнер – стрит, 509

14 октября 1948 г.

Дорогой Аллен!

По поводу расходов на посылку я написал твоему брату. Ответа так и не получил[55].

Фермерство мое процветает. Я вроде даже писал тебе, как

и Билли, сын самого Берроуза. – *Примеч. О. Харриса.*

[55] Старший брат Гинзберга, Юджин Брукс. – *Примеч. О. Харриса.*

мы с Келлсом [Элвинсом] скооперировались, купили на пару нужные инструменты и наняли управляющего. Через месяц подоспеет первый урожай. Если цены хотя бы на полгодика останутся прежними, мы прилично наваримся: выйдет по пятнадцать тонн баксов на брата.

Могу прислать травки – скажи куда. От привычки я не избавился, но ничего – вот скоплю деньжат с первого урожая и лягу подлечиться. Джоан передает тебе большой привет.

Всегда твой,

Билл

Ханке, по – моему, с Даргином в жизни не рассчитается[56]. Мои же потакания его слабостям все только ухудшат, причем очень сильно: опять этот жулик будет ныть и пытаться меня надуть.

* * *

Аллену Гинзбергу

[56] В мае Гинзберг перебрался в дом 321 на Восточной Сто двадцать первой улице, в Гарлем, где снимал комнату у Рассела Даргина, студента – теолога Колумбийского университета. Гинзберг имел неосторожность приютить Ханке, а тот украл и продал собрание ценных книг из коллекции Даргина. Данный инцидент отражен в романе Джона Клеллона Холмса «Иди» (1952 г.), в котором Даргин фигурирует под именем Вергер, Ханке становится Анке, и Гинзберг – Стофским. – *Примеч. О. Харриса.*

Штат Луизиана, Алжир,
Вагнер – стрит, 509

9 ноября 1948 г.

Дорогой Аллен!

Рад, что ты написал.

С деньгами порядок. При нынешней инфляции лучшего и пожелать нельзя. Где-то через недельку подоспеет первый урожай гороха. С него получим тысяч пять грязными. Дальше ждем салат – латук и морковку. К Рождеству буду купаться в деньгах. Но то, что по – настоящему принесет нам прибыль (хлопок и помидоры), поспеет только весной – летом. Еще хочу замутить дельце с нефтью, на ней подняться можно очень быстро.

Условия жизни тут паршивые. В округе интересных людей нет, а если и есть, я их не видел. Пытаюсь придумать способ, как избавиться от зависимости. Родилась мысля: в Новом Орлеане опиум достать слишком легко, надо смотаться в другой город, и пусть мне присылают дрянь по почте – с каждым разом все меньше и меньше.

Может, уеду в Центральную Америку или Южную, а то и вовсе в Африку. Или осяду в окрестностях Нью – Йорка…

Да, работу найти – хоть за какую плату – сейчас дело гиб-

лое[57]. Везде нужны техники, интеллигенция не в фаворе. (Это я про тебя говорю, мне-то работу искать не приходится.)

Посылаю тебе энное количество травки. Передай, пожалуйста, немного (косяков на десять) Бранденбергу[58]. К весне хочу вырастить дури для собственных нужд, потом – на продажу. Мой девиз: делай деньги на всем. Под посадку ганджи ищу дешевую землицу поблизости.

Гилмор пусть не возмущается, он и сам хорош чеки подделывать. Неужто думает, будто полностью излечился?[59] Салливан и вполовину не так хорош, как его Гилмор хвалит. Салливан прославился – чем? Только тем, что внес свою лепту в копилку зубодробильных терминов[60]. Салливан, по – моему, из породы наивных дураков, убежденных, будто человека можно подвергнуть «полному анализу» и на выходе получится покладистый либерал.

Ты сам-то как, походы к психиатру возобновил? Попы-

---

[57] Окончив Колумбийский университет, Гинзберг долго не мог найти работу: на выбор предлагали только должности курьера или уборщика. – *Примеч. О. Харриса.*

[58] Боб Бранденберг: мелкий хулиган, который познакомил Берроуза со своими соседями по квартире Ханке и Уайтом. В романе «Джанки» он фигурирует под именем Джек. – *Примеч. О. Харриса.*

[59] Уильям Скотт Гилмор (род. 1911): Берроуз дружил с ним в 1930–е, когда учился в Гарварде. Лечился Гилмор либо от психоза, либо от гомосексуальных наклонностей. – *Примеч. О. Харриса.*

[60] Неофрейдист Гарри Стэк Салливан, умерший в январе 1949 г. – *Примеч. О. Харриса.*

тай счастья у спецов Вашингтонской школы. Я сам думаю провозгласить рождение новой философии под названием «фактуализм». Все вокруг нами командуют, но это же бред и бессмыслица. На всех уровнях существует лишь факт, и чем больше кто-то что-то доказывает, спорит, морализирует, тем больше притупляется его чувство факта. Само собой, никаких постулатов прописывать я не стану. Болтовня с фактуализмом несовместима.

Джеку надо познакомиться и сдружиться с профессиональным писателем, с тем, кто знает, что к чему, и умеет редактировать; кто сумеет подсушить писанину Джека до размеров продавабельной вещи.

Рад, что у тебя с Люсьеном все складывается. Всем привет.

Всегда твой,
Билл

* * *

Аллену Гинзбергу

Штат Луизиана, Алжир,
Вагнер – стрит, 509

30 ноября 1948 г.

Дорогой Аллен!

Рад снова получить от тебя письмо. Через пару дней уезжаю в Рио – Гранде проверить, как там ферма, и, может, заскочу в Мехико. Во время поездки планирую избавиться от привычки: беру с собой пинту Б. У. и большой запас колесиков, дозы которых буду постепенно сокращать[61]. Вдобавок прихвачу ширева на двадцать раз вмазаться и много – много травы. Кстати, о птичках – обещанное вышлю тебе до отъезда.

По – моему, слово «преступление» ты употребляешь неверно. Давай разберемся: преступление есть действие, поставленное вне закона культурой определенного общества. Связи между преступлением и этикой не существует; в действиях СС нет ничего преступного – ложь и нарушение законов не связаны. По сути, понятие «постоянной работы» вмещает в себя лжи больше, чем «преступление», оно требует притворства. Сильнее всего необходимость прятать истинную свою личность – во время радиопередач, в рекламе и, конечно, на телевидении. С точки зрения этики гонять джанк по вене намного безопасней и безвредней для окружающих. (Сам знаешь, я и «журналистом» работал, и рекламщиком.) Со времен войны граница между законным и

[61] Б. У. – болеутоляющее. Колеса – таблетки нембутала, барбитураты. – *Примеч. О. Харриса.*

незаконным стерлась: то и дело нарушают закон бизнесмены. Хоть на нас посмотри: мы – фермеры, и наше дело целиком зависит от труда нелегалов из Мексики. Они лезут к нам в страну с нашей помощью и с нашего попустительства. Их «гражданские права и свободы» ущемляются постоянно; хлопок они часто собирают под дулом ружья (хозяева их так поторапливают, ведь чуть промедлишь со сбором – и пропал урожай). Тех, кто думает бежать, убивают. (Я сам видел, не раз.) Короче, в этическом смысле, мой статус добропорядочного гражданина нынче еще более шаток, чем когда я вмазывался джанком. Сейчас я тоже нарушаю закон, однако продажные власти спускают мне подобное с рук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.